

Выводы. В таких невероятно сложных антропологических, геополитических и социокультурных условиях пытается выжить современный человек, более того – сохранить собственную культурную среду обитания. Несмотря на весь катастрофизм ситуации, человек продолжает творить, созидать, создавать новые шедевры, произведения высокого искусства. Делать это в современном мире вывернутых наизнанку ценностей все труднее и труднее. Сегодня, кажется, человечество окончательно запуталось в собственных замысловатых художественно-культурных проявлениях и псевдотворческих мутациях.

Современный мир абсурда, извращенной логики и псевдоценностей заставляет человечество оглянуться назад и вернуться к «вечным» истинам и непреходящим ценностям. Это порождает осознание необходимости адаптации каждого индивида к окружающему его культурному наследию, к людям, к обществу, к миру. А это осознание выступает в свою очередь условием выработки способов творческого приспособления индивида к окружающей его социокультурной среде. Это осознание помогает формированию критериев прекрасного и безобразного, подлинного и мнимого, гениального и бездарного, больного и здорового в культуре, более четкому пониманию Добра и Зла.

Источники и литература:

1. Шванёва И. Н. Бессознательные механизмы регуляции поведения и психического здоровья / И. Н. Шванева, – М., 2009.
2. Нордау М. Вырождение. Современные французы / М. Нордау. – М.: Республика, 1995. – 431 с.
3. Страна вымирает / Эхо, №24 (860), с.6, 14.06.2012.
4. Страна вымирает / Эхо, №24 (860), 14.06.2012.
5. Федоров Ю. В. Феномен вырождения: социокультурные и творческие аспекты. – Симферополь: СГТ, 2012. – 384 с.
6. Журнал «Коммунист» рассказал о вырождении украинцев. [Электронный ресурс]. Режим доступа : <http://kontrakty.ua/life/news/society/>
7. Лисичкин В. А. Шелепин Л. А. Глобальная империя Зла / В. А. Лисичкин, Л. А. Шелепин. – М.: Крымский мост-9Д, Форум, 2001.
8. Лазарев Ф. В. Антропологический манифест / Ф.В. Лазарев // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2007 г.
9. Ильянович Е. Б. Антропологический кризис в условиях современной техногенной цивилизации: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Ильянович Е. Б. – Симферополь, 2008. – 204 с.

Ушакова К.В., Черопита Т.Н.

УДК: 1:316.3 + 008: 32 + 321.64

КАТЕГОРИЯ «ПРИЗНАНИЕ» В УСЛОВИЯХ ТОТАЛИТАРНОЙ МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

***Аннотация.** в статье утверждается, что категория «признание» является базовой потребностью человека, и что в процессе формирования демократических ценностей категория «признание» становится основополагающим принципом. В тоталитарных политических системах, как правого, так и левого толка, личность всегда подчинена идеалам той или иной государственной идеологии и вынуждена отказываться от «признания» быть самим собой. На примере одесского региона в статье показано, что всегда находились люди, для которых потребность в «признании» проявилась как «борьба за признание». И в жестких условиях советского тоталитаризма многие представители, прежде всего, интеллигенции, становились образцами морального подвига. Их деятельность, в конечном итоге, изменила общественное сознание и во многом способствовала краху тоталитарных режимов;*
Ключевые слова: признание, тоталитаризм, интеллигенция, тоталитарная культура.

***Анотація.** у статті стверджується, що категорія «визнання» є базовою потребою людини, а також в процесі формування демократичних цінностей категорія «визнання» стає основоположним принципом. У тоталітарних політичних системах, як правого, так і лівого спрямування, особистість завжди підпорядкована ідеалам тієї чи іншої державної ідеології і змушена відмовлятися від «визнання» бути самим собою. На прикладі одеського регіону у статті показано, що завжди знаходилися люди, для яких потреба у «визнанні» проявилася як «боротьба за визнання». І в жорстких умовах радянського тоталітаризму багато представників, насамперед, інтелігенції, ставали зразками моральної подвигу. Їх діяльність, у кінцевому підсумку, змінила суспільну свідомість і багато в чому сприяла краху тоталітарних режимів;*
Ключові слова: визнання, тоталітаризм, інтелігенція, тоталітарна культура.

***Summary.** this article argues that the category of «recognition» is a basic human need, and that in the process of democratic values category of «recognition» is a fundamental principle. In totalitarian political systems, both right and left-wing personality is always subordinate to the ideals of a state ideology and forced to give up the «recognition» be yourself. On the example of the Odessa region in the article shows that there were always people for whom the need for «recognition» manifested itself as a «struggle for recognition». And in the harsh conditions of Soviet totalitarianism many members, especially the intelligentsia, becomes a model of moral heroism. Their work, in the end, changed the public consciousness and has greatly contributed to the collapse of totalitarian regimes;*

Keywords: recognition, totalitarianism, the intellectuals, the totalitarian culture.

Постановка проблемы. Феномен тоталитаризма не перестает приковывать к себе внимание. Тем более в нашей стране, где крах тоталитарной системы приходится на 90 –е годы XX века. Современное украинское государство переживает сложный процесс формирования демократического государства, но до сих пор Украина не смогла оправиться и преодолеть тоталитарное прошлое. Конформизм, пассивное послушание и нежелание отстаивать свои законные интересы создают и сегодня благоприятную почву для формирования тоталитарных умонастроений. Ведь тоталитаризм способен изменяться, приспосабливаться к новым условиям, и, что самое важное, всегда обладает психологической привлекательностью для масс как «лицетворение» государственного порядка.

При этом политика украинского государства на установления демократических свобод была поддержана обществом, но очень часто понималась в узком смысле. Она сводилась к представлениям об экономической свободе, свободе делать деньги, свободном рынке, который отличает западные страны. И в этих стремлениях в общественном сознании как-то затерялась сама сущность демократии, ее первичные ценности, по отношению к которым экономические ценности являются производными. Ведь свободная демократия обеспечивает, прежде всего, признание достоинства человека, признание права на самоуважение. И не случайно, что многие философы, обращались к рассмотрению демократии, видели в ней, прежде всего, политическую систему, основанную на «признании».

Анализ последних исследований и публикаций. В традиции западной социальной философии понятие «признание» воспринималось как определяющая сторона человеческой личности. Впервые она была описана в республике Платона, так или иначе, проблемы «признания» была предметом осмысления в творчестве Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Ф. Ницше. Г.Г.Гегель придал особое значение пониманию важности «борьбы за признание», рассматривая ее как двигателя истории.

К числу наиболее интересных современных публикаций, в которых рассматривается «признание» как социально-философская проблема относится работа американского ученого Ф. Фукуяма «Конец истории и последний человек». Оценить универсальность потребности в «признании» и распространить на их социальные процессы позволяют и исследование в области гуманистической психологии А. Маслоу и его работа «Мотивация личности».

Анализ категории «признания», на наш взгляд, позволяет понять причины краха тоталитарных режимов. Авторы фундаментальных трудов по тоталитаризму в их «каноническом варианте», такие как Х. Арндт, З. Бжезинский, Р. Арон, В. Гуриан и др., делали преимущественный акцент на социально-политические и социально-идеологические стороны тоталитарных режимов. Однако эти исследователи не смогли до конца объяснить причины возникновения и распада этих режимов. Отечественные ученые, такие как Аверинцев С. С., Гаджиев К. С., Баталов Э. Я. и др. пытаются ответить на вопрос о причинах сохранения «следов» и трудно изживаемых последствий тоталитаризма в культуре, общественном сознании и структурах поведения. Большой интерес представляют работы одесских ученых Левченко В. В., Поповой И. М., Ковальчук Л. В., посвященные изучению проявлений тоталитаризма в одесском регионе. Труды отечественных ученых позволяют увидеть проблему «признания» в условиях советской тоталитарной системы.

Цель статьи заключается в том, чтобы понять, почему категория «признание» является неотъемлемой частью такой политической системы, как демократия, и почему тоталитарная политическая система попирает право человека на признание его достоинства и признание его права на самоуважение.

Изложение основного материала. Обращаясь к рассмотрению категории «признание», следует, прежде всего, подчеркнуть, что она непосредственно связано с базовыми потребностями человека. Американский психолог А. Маслоу в своей работе «Мотивация личности» пишет, что люди, как животные, имеют естественные потребности, среди которых главная, казалось бы, является потребность в самосохранении. Но А. Маслоу обращает внимание на то, что человек фундаментально отличается от животного тем, что имеет, помимо этой естественной потребности, потребность приобщения к социуму. И в ходе интеграции в общество он желает быть «признан», желает, чтобы его признавали человеком, то есть существом, имеющим определенное достоинство. Это достоинство настолько важно человеку, что ведет к его готовности рисковать жизнью в борьбе всего лишь за престиж [3, с. 125]. И рискуя жизнью, человек доказывает, что, что может действовать вопреки самому сильному и основному инстинкту - инстинкту самосохранения.

На наш взгляд, такое наблюдение ученого, работающего в рамках гуманитарной психологии, очень важно при рассмотрении социально-политических процессов. Поэтому, на наш взгляд, философ или политолог, не принимающий в расчет стремление человека к признанию, его попыткам действовать вопреки самым сильнейшим природным инстинктам, никогда не поймет что-то очень важное относительно поведения человека.

Во всех философских и культурологических исследованиях тоталитарных режимов отмечается, что все тоталитарные режимы, как правого, так и левого толка, во многих отношениях почти неотличимо похожи друг на друга. В них наблюдается явный приоритет государственных интересов над интересами отдельной личности. Их цель – консолидация и сплочение нации вокруг властных структур. Поэтому всякая тоталитарная система держится на пропаганде партийной идеологии, жестоком порядке и апологии силы. А также на идеализированном образе вождя. По этому поводу Ф. Хайек в своей работе «Дорога к рабству» пишет: «Тоталитарная культура в своей приверженности к мифологическим архетипам консервативна и архаична. Ее любимые образы – атлет, борец, вооруженный воин, готовый к преодолению трудностей или подвига. И умиротворенный и величественный вождь, снисходящий до общения с простым народом и взирающий на него свысока» [7, с. 98].

И в самом деле, апелляция к архетипам сознания выражается в «возвышении» вождя. Но с другой стороны, апелляция к архетипам сознания выражается также и в апологетике «простого человека», самих народных масс как воплощению вековой мудрости. Это является неотъемлемой частью тоталитарной культуры. При этом «простой человек» - это всегда безлика личность, отказавшаяся от права на «признание» быть человеком, то есть иметь свое собственное мнение. Особенность социальной практики тоталитарной культуры заключалась в том, что заурядные души, нисколько не заботясь на счет своей заурядности, поддерживаемые идеологической системой, утверждали свое право на нее и подчас весьма агрессивно навязывали ее всем и повсюду. Тоталитарная культура формирует человека – массу, о которой с негодованием писал Хосе Ортега - и - Гассет. Испанский философ утверждал, что «человек – масса» – это всякий и каждый, кто ни в добре, ни во зле не меряет себя особенной меркой, а ощущает себя таким же, как и все. При этом не только не озабочен, но даже удовлетворен своей личной «неотлечимостью». Иными словами, «человек – масса» - это тот, кто добровольно отказывается от собственного «я», от своего права быть «признанным» как личность. При этом Ортега глобализирует проблему, считая, что, начиная с XIX века, мировая история представляется гигантской лабораторией по проведению мыслимых и немислимых экспериментов, чтобы найти универсальный рецепт для «окультуривания человека», вернее обезличивания человека. Это в XX веке дало эффект отката «... отката к варварству, или, другими словами, той скудоумной простоте, такой культуре, потребителями которой являются массы» [4, с. 108].

Это, по мнению философа, и породило большевизм и фашизм. И при всех их различиях, они во многом схожи. Эти режимы как бы взаимно обучаются друг у друга приемам «культурной работы»: в декларировании культурных инноваций, управления культурными учреждениями, манипулированием сознанием и т.п. И пользуются одним рецептом для подавления потребности человека в «признании».

Таким рецептом, при котором в тоталитарных обществах достигалась целостность и непротиворечивость общества и его культуры, стало включение и нагнетания до небывалого размаха социокультурного механизма селекции. Этот механизм позволял властным структурам отвергать, изгонять, а порою и уничтожать все то, что противоречило политическому проекту идеального государства и мешало его функционированию. В советской политической системе этот механизм основывался на идеологическое утверждение марксизма о неизбежности насилия как «повивальной бабки истории». Однако идеологические кампании против «инакомыслящих» проводятся во всех тоталитарных режимах. Они проводились во всех направлениях и имели разные виды, но всегда рассматривались как необходимый инструмент «переделки» общества, волевой «перекодировки» человека из «старого» на «нового». Иными словами, полному подчинению личности идеалам той или иной государственной идеологии, полному отказу от права личности на свое собственное самоопределение, то есть от отказа от «признания» быть самим собой.

При этом во всех этих преобразовательных процессах культуре отводилась роль «служанки режима». И эта вспомогательная роль культуры не только идеологически обосновывалась, но и всячески стимулировалась методом «кнута и пряника». Те, кто подчинялся режиму, получали те или иные материальные или иные блага. А самая прогрессивная, творческая часть общества, для которой «признание» оставалась жизненной потребностью, многие деятели культуры, ученые и инженеры, становились объектом целенаправленной селекции, преследовались, а порою уничтожались физически. Хотя и их духовное уничтожение было не менее удручающим. Если их помысли, характер художественных и научных изысканий не соответствовали государственной идеологии, им полностью отказывалось в праве на «признание» их деятельности, а творчество подвергалось общественному порицанию или осмеянию.

При этом еще раз следует обратить внимание на тот факт, что в своем социокультурном отборе власти всегда апеллировали к здравому смыслу, обыденному сознанию, к общественному мнению «простого народа». А именно: необразованных критиков современной философии, науки, литературы и искусства, обличителей «заблуждающихся» мастеров культуры. В результате в культуре сменились местами «верх» и «низ»: народные массы поучали и просвещали представителей творческой интеллигенции, которую унизительно именовали «прослойкой общества». И последняя должна была смиренно «учиться» у народа. А тоталитарная власть мотивировала свои решения и вкусы народными интересами и требованиями, симулируя свое «служение народу». Народ же фактически становился пассивным материалом партийно-государственного строительства, из которого можно было «лепить» любые фигуры в замысленном культурном проекте, отсекая все лишнее и ненужное самой власти.

Можно утверждать, что два слова: достоинство и, его противоположность, унижение более всего характеризуют положение человека в условиях тоталитаризма. И в эпоху террора, и в периоды «послабления», тоталитарные государства старались сделать каждого морально послушным. Тоталитарная культура унижала простых людей, заставляя идти на мелкие сделки с собственной совестью. Эти сделки могли принимать различные формы: выставил плаката в витрине, подписал петицию об увольнении коллеги, который что-то сделал, что не нравится государству, промолчал, когда несправедливо преследовали сослуживца. В этом обществе трудно было вести нормальную жизнь, и почти невозможно – «успешную», без подавления собственного достоинства, «тимоса», то есть духовности, в большей или меньшей степени. И уж точно нельзя быть преуспевающим писателем, преподавателем или журналистом, не погрузившим достаточно полно в обман системы. Если же человека был честен и хотел сохранить чувство внутренней самооценности, то у него была только одна альтернатива, если он, конечно, не принадлежал к кругу людей, искренне верящих в идеологию.

Этот путь – полностью выйти из системы и стать, подобно Андрею Сахарову или Александру Солженицыну, профессиональным диссидентом. Но для этого необходимо было полностью порвать с той стороной жизни, которая определяется желаниями и обменять такие простые материальные блага, как

постоянная работа и квартира, на аскетическую жизнь в тюрьме, в психиатрической лечебнице или изгнании. Рассуждая об этой стороне тоталитарной политической системе, Фрэнсис Фукуяма пишет, что для подавляющей массы людей, у которой тимотическая сторона даже отдаленно не развита в такой мере, нормальная жизнь означает принятие мелкой и ежедневной моральной деградации. Он пишет, что «...Тимос оказывается, в некотором смысле, связан с хорошим строем, поскольку он есть источник храбрости, общественного духа и определенного нежелания идти на моральные компромиссы. Хороший политический строй обязан быть чем-то большим, чем взаимным договором о ненападении; он должен также удовлетворить справедливое желание человека получить признание своего достоинства и ценности» [6, с. 266].

И такие люди, для которых «признание» своего достоинства было высшей ценностью, всегда существовали в условиях тоталитаризма. Именно эти люди, которые определялись тоталитарным режимом как «лишние», «ненужные» или «опасные», в конечном счете, становились носителями антитоталитарных тенденции в истории культуры. Так рождались антифашизм и антисоветизм, развивавшиеся как в условиях эмиграции, так и внутри страны – в качестве диссидентского или иного общественного движения, принимавшего политические и культурные формы сопротивления тоталитаризму. Эти люди становились «героями культуры», образцами морального подвига, что, в конечном итоге, изменило общественное сознание и привело к краху тоталитарных режимов.

Если обратиться к конкретным фактам, то в одесском регионе массовые политические репрессии постоянно использовались властью на разных этапах истории Украины и были необходимым условием ее жизнеспособности. При этом репрессии чаще всего применялись по отношению к определенной социальной прослойке – интеллигенции, так как именно для нее представление о «признании» было не пустым словом. Так, глава Киевского ЧК Лацис так инструктировал своих подчиненных: «Не ищите в деле доказательств обвинения: восстал ли он против Советов оружием или словом. Первой вашей обязанностью является выяснение, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и кто он по специальности. И именно это должно решать судьбу обвиняемого» [2, с. 29]

Среди репрессированных советской властью в годы гражданской войны были в основном учителя, ученые, юристы, врачи, артисты, художники. Их не только арестовывали и расстреливали, но и лишали «права» работать по специальности. В частности, был закрыт Новороссийский университет, в результате чего многие одесские ученые вынуждены были уехать за границу. С начала 1921 года до 1924 года шла активная «чистка» интеллигенции города. Профессора, как «политически неблагонадежная» часть общества, была у чекистов на особом счету. Философы, экономисты, социологи и специалисты других областей брали на себя смелость критиковать политику большевиков и ленинскую интерпретацию марксизма. Советское правительство сначала развернуло полемику с идейными противниками, но вскоре решило выпроводить «неугодных» в страны буржуазной демократии. Судьба разбросала беженцев по всему миру, и до сих пор нет точных данных, сколько представителей интеллигенции покинуло Одессу в первые годы советской власти, но потери были весьма ощутимы» [2, с. 38].

Репрессии 1937-1938 года уже давно именуется периодом «большого террора». В Одесской области одним из наиболее масштабных дел тех лет было дело «контрреволюционной украинской национальной организации». Примечательно, что в военной организации не было ни одного военного, даже бывшего, при тщательном обыске не было найдено никакого оружия. Но по делу арестовано несколько десятков человек, главным образом преподавателей высших учебных заведений, работников культурных и образовательных учреждений, в прошлом связанных с национальным движением. Многие из них были расстреляны. Исследуя историю «большого террора», обращает на себя внимание тот факт, что большинство арестованных сознавались в совершении преступлений, которые они не совершали. Понятно, что это явилось следствием массового и безнаказанного применения пыток, различных методов физического и психологического давления на арестантов. И все-таки, большинство из них не покидало чувство собственного достоинства, «признания» себя человеком, которого нельзя унижать. К примеру, профессор Чернявский, которому удалось покинуть застенки Одесского НКВД, написал обращение к Сталину, в котором утверждал, что его на допросах били стулом по голове, держали по 18 часов на ногах без сна и еды, били головой о стену, плевали в лицо, держали пять дней в карцере [2, с. 38].

Террор в Одессе продолжался и в годы Великой Отечественной войны, и после нее. Пребывание на оккупированной территории стало фактом «неблагонадежности», а работа при оккупантах в различных организациях и учреждениях – поводом для обвинения в «измене родине». За «сотрудничество» и критику советского строя были репрессированы многочисленные представители одесской интеллигенции, среди которых ректор Одесского университета Часовников П. Г., проректор Потапенко Г. И., зав кафедрой классической филологии Варнеке Б. В., заведующий кафедрой астрономии Покровский Д. К. и другие. Большой утратой для одесского театрального сообщества был арест актера и режиссера Василия Михайловича Вронского, который в годы оккупации Одессы организовал частный русский театр Драмы и Комедии. Его обвинили в антисоветской пропаганде, поскольку Вронский поставил в своем театре пьесу «Божий одуванчик», в котором рассказывалось о зверствах ЧК [2, с. 125].

Следует отметить, что политические репрессии в Одессе не закончились ни после смерти Сталина, ни после XX съезда партии. Аресты перестали быть массовым явлением, но остались же идеологизированными и противоправными. Это главным образом аресты за «антисоветскую агитацию и пропаганду», диссидентство и распространение самиздата. При этом официальная информация относительно этого периода в Одессе до сих пор засекречена. Однако некоторые факты все же известны. Так, к примеру, в 1969 году за распространение самиздата была уволена с работы в Одесском

университете и арестована Крупко О. Г. По таким же обвинением была осуждена библиотекарь Палатник Р. В. Подобные аресты продолжались в вплоть до конца существования Советского Союза. [5, с. 92].

Хотелось бы отметить, что политика террора и массовых репрессий, избранная тоталитарным режимом, оказалась несостоятельной. Попытка любой ценой, включая физическое насилие, создать «новое общество» и «нового человека», винтика в государственной системе, привели к катастрофическим результатам во всех сферах жизни. Тоталитаризм не учитывал, что человеку необходимо признание собственной ценности. И это заставляет людей требовать демократического правительства, которое будет обращаться с ними, как со взрослыми, а не как с детьми, которых надо поучать на каждом шагу и наказывать за непослушание. Человеку в обществе важно «признание» его самостоятельности как свободной личности.

Преодоление тоталитарного прошлого – это сложная задача. Интересно, что она с необходимостью предполагает формирование нового мировоззрения, перевоспитание масс, основанных на демократических ценностях и уважении к человеку. Но это сейчас же ставит ее в опасную близость с тем самым тоталитаризмом, который, как справедливо замечает С.Аверинцев, представлял собой всеобщий проект перевоспитания и создания «нового человека». Такими препятствиями на пути преодоления тоталитарного прошлого, по мнению Аверинцева, являются: «С одной стороны, реликтовые, но живучие воинствующие антилиберальные тенденции националистического и изоляционного характера. С другой стороны, склонность современного либерализма, взявшего на себя задачу перевоспитания народов, действовать наподобие любой другой идеологии» [1, с. 124].

Между тем единственной «прививкой», дающий «иммунитет» против возможности нового тоталитаризма, является чувство собственного достоинства, ответственность за свое слово и действия, отстаивание своего права на «признание» себя как свободной личности. А поэтому – недоверчивость к внушениям и массовым воздействиям.

Все изложенное позволяет нам прийти к следующим выводам. Стремление «к признанию» нельзя не учитывать в политической жизни, потому что оно, во-первых, является важной базовой потребностью человека, а во-вторых, универсальным психологическим фундаментом таких политических добродетелей, как дух гражданственности и справедливости.

Сходство любых тоталитарных режимов заключается, прежде всего, в том, что они методично строят общество, где человек, каждый конкретный индивид, приносится в жертву некому стоящему над ним механизму, государственной идеологии. Цель системы – власть и господство над другими. Методы достижения этой цели – массовые репрессии. Но результат – сопротивление. Борьба прототалитарных и антитоталитарных сил в различных тоталитарных режимах становилось магистральным направлением социокультурной борьбы в двадцатом веке в масштабах не только той или иной страны, но и всего мира. Поэтому поражение прототалитарных сил в этой всемирно- исторической борьбе оказывается, рано или поздно, неизбежным.

В условиях тоталитарного режима человеку было отказано в праве на «признание». Это, прежде всего, коснулось интеллигенции, которой по сути своей деятельности необходимо признание свободы творчества. Именно на нее возлагается миссия критической рефлексии, осмысления всего происходящего. Вмешательство со стороны властей в развитие науки, техники, в творческий процесс деятелей культуры, с необходимостью приводило государство в состояние «застоя», стагнации и кризиса. В конечном, итоге, на наш взгляд, это во многом способствовало распаду и кризису тоталитаризма в нашей стране.

Источники и литературы:

1. Аверинцев С., Тоталитаризм: ложный ответ на реальные вопросы // Родина. – 2002. – № 10. – С.122-124.
2. Левченко В. История Одесского института народного образования (1920-1930 гг.): позитивный опыт неудачного эксперимента. – Одесса: ТЕС, 2010. – 428 с.
3. Маслоу А. Мотивация личности / А.Маслоу – СПб. Питер, 2004. – 675с.
4. Ортега - и - Гассет Х. Восстания масс // Культурологическая мысль. – М., 1999. – 315 с.
5. Одесский мартиролог: Данные о репрессированных Одессы и одесской области в годы советской власти. Т.4 /Составители Л.В.Ковальчук, Г.А.Разумов. – Одесса: СМИЛ, 2006. – 960 с.
6. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. / Фрэнсис Фукуяма. – М.: АСТ: Ермак, 2005. – 588 с.
7. Хайек Ф. Дорога к рабству. – М.: Азбука-классика, 2005. – 264 с.